

*Посвящается тем читателям —
а почему бы и нет? —
которые после выхода «Вещих сестричек»
буквально завалили автора собственными
вариантами текста «Песни про ежика».
О горе мне, горе...*

Перед вами — Плоский мир, плывущий сквозь пространство и покоящийся на спинах четырех слонов, которые, в свою очередь, стоят на панцире Великого А'Туина, Всемирной Черепахи.

В прежние времена подобная вселенная считалась необычной и даже, возможно, невозможной.

Но, с другой стороны, в прежние времена все вообще обстояло гораздо проще.

Это потому, что вселенная была исполнена невежества. И ученый, подобно склонившемуся над горным ручьем старателю, тщательно и долго просеивал ее, роясь в поисках золотых крупинок знания среди гальки абсурда, песка неопределенности и шныряющих в воде крошечных щетинистых восьминогих суеверий.

Время от времени он выпрямлялся и выкрикивал что-нибудь вроде: «Ур-р-ра, я только что открыл третий закон Бойля!» И тогда все сразу осознавали, кто они и где находятся. Но основная беда заключалась в том, что со временем невежество становилось все более привлекательным, в особенности колоссальное, поразительное невежество в области таких крупных и важных проблем, как материя и творение. Люди, которые раньше терпеливо возводили посреди хаоса вселенной свои домики из рациональных бревнышек, перестали это делать и все больше начали интересоваться хаосом как таковым — во-первых, быть специалистом по хаосу куда легче, а во-вторых, в ха-

осе время от времени встречаются по-настоящему классные узоры, которые здорово смотрятся на футболках.

И вместо того, чтобы продолжать заниматься чистой наукой¹, ученые вдруг принялись налево-направо рассказывать, насколько невозможно хоть что-то знать наверняка и, мол, вообще не существует ничего познаваемого, что можно было бы назвать реальностью, но все это очень, очень здорово, а кстати, вы разве не слышали, ведь все кругом состоит из пресловутых крошечных вселенных, вот только их никто не видит, поскольку все они замкнуты сами на себя! И вообще, разве плохая получилась футболка?

По сравнению с подобными теориями гигантская черепаха, несущая на спине целый мир, кажется чем-то по меньшей мере обыденным. Она хотя бы не пытается делать вид, будто ее не существует, и никто из обитателей Плоского мира даже не думал доказывать, что такой черепахи нет и быть не может. А вдруг ты окажешься прав и выяснишь, что на самом деле плаваешь в космической пустоте? Дело все в том, что Плоский мир существует на самой грани реальности. Достаточно ничтожнейшего толчка — это равновесие нарушится, и весь Диск рухнет на ту сторону действительности. Поэтому жители Плоского мира воспринимают все крайне серьезно.

Например, те же сказки.

Сказки — вещь очень важная.

Люди думают, что сказки создаются людьми. На самом же деле все наоборот.

Сказки существуют совершенно независимо от своих героев. Если вам это известно, то такое знание — сила.

¹ Скажем, найти наконец ту треклятую бабочку, хлопающие крылья которой явились причиной всех недавних ураганов, и заставить ее прекратить безобразничать.

Сказки, эти длиннющие колышущиеся ленты обретших форму времени и пространства, порхая, носились по вселенной с самого начала времен. При этом они постепенно эволюционировали. Слабейшие вымерли, а сильнейшие выжили и со временем растолстели — ведь люди пересказывали их раз за разом.

Существование этих самых сказок накладывает смутный, но довольно устойчивый отпечаток на хаос, который представляет собой вселенская история. Сказки протачивают в ней ложбинки, достаточно глубокие и позволяющие людям следовать вдоль них. Точно так же вода протачивает себе русло в горном склоне. И каждый раз, когда руслом сказки проходят новые действующие лица и герои, оно становится все глубже.

Это называется теорией повествовательной причинности и означает, что сказка, стоит ей начаться, *приобретает форму*. Она моментально впитывает вибрации всех своих предшествующих изложений, которые когда-либо имели место.

Вот почему истории все время повторяются.

Тысяча героев похищала у богов огонь. Тысяча волков пожирала бабушку, тысяча принцесс удастаивалась поцелуя. Миллионы безвестных актеров, сами того не сознавая, проходили проторенными сказочными тропками.

В наше время такого просто быть не может, чтобы третий, самый младший сын какого-нибудь короля, пустись он на подвиги, до этого оказавшиеся не по плечу его старшим братьям, не преуспел бы в своих начинаниях.

Сказкам совершенно безразлично, кто их действующие лица. Важно лишь то, чтобы сказку рассказывали, чтобы сказка повторялась. Или, если хотите, можно представить это следующим образом: сказки — некая паразитическая форма жизни, играющая судьбами и калечащая люд-

ские жизни исключительно в целях собственной выгоды¹.

И только личности особого склада способны сопротивляться сказкам. Такие люди становятся бикарбонатом истории.

Итак, давным-давно...

Стиснув рукоять, серые руки обрушили кувалду на верхушку столба. Удар был такой силы, что столб ушел в мягкую почву сразу на целый фут.

Еще пара ударов, и столб был забит намертво.

Из-за окружающих поляну деревьев за происходящим безмолвно наблюдали змеи и птицы. В болоте плавали крокодилы, смахивающие на куски чего-то крайне неприглядного.

Серые руки взяли поперечину, приложили ее к столбу и привязали лианами, затянув их так крепко, что они аж затрещали.

Она следила за ним. А потом взяла осколок зеркала и привязала его к верхушке столба.

— Фрак, — сказала она.

¹ А еще люди совершенно заблуждаются по поводу так называемых городских мифов. Логика и рассудок утверждают, что городские легенды суть плоды вымысла, снова и снова пересказываемые теми, кто ни перед чем не остановится, только бы получить лишнее подтверждение самым невероятным совпадениям, неременному торжеству справедливости и тому подобным штукам. Но дело обстоит абсолютно иначе. *Эти мифы не переставая происходят всегда и повсюду*, тем самым походя на сказки, которые порхают туда-обратно по вселенной. В каждый отдельный момент времени сотни мертвых бабушек уносятся на верхних багажниках угнанных автомобилей, а верные овчарки давятся откушенными пальцами ночных грабителей и в муках умирают. Причем все это не ограничивается пределами какого-то одного мира. Сотни женских особей меркурианских дживптов устремляют свои четыре крошечных глаза на спасителей и говорят: «Мой яйценосный супруг посиреневет от ярости — это был *его* транспортный модуль». Так что городские легенды жили, живы и будут жить.

Он взял фрак и надел его на поперечину. Поперечина оказалась недостаточно длинной, и последние несколько дюймов обоих рукавов опустело свисали вниз.

— Теперь цилиндр, — велела она.

Цилиндр был высоким, круглым, черным и блестящим.

Осколок зеркала угрожающе поблескивал между чернотой цилиндра и фрака.

— А это сработает? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Даже у зеркал есть отражение. И с зеркалами нужно бороться при помощи зеркал. — Она бросила взгляд на виднеющуюся вдали за деревьями изящную белую башню. — Мы должны найти ее отражение.

— Этому отражению придется проделать неблизкий путь.

— Вот именно. Но нам нужна помощь.

Она оглядела поляну.

После чего призвала Повелителя Сети Продаж, властительницу Бон Анну, Хоталогу Эндрюса и Широко Шагая. Может, это были не очень могущественные боги.

Но они были лучшими, что ей удалось создать.

Это сказка о сказках.

Или о том, что значит быть настоящей феей-крестной.

А еще это сказка об отражениях и зеркалах.

По всей множественной вселенной, тут и там, обитают отсталые племена¹, с недоверием относящиеся к зеркалам и отражениям, поскольку те, по их словам, крадут частичку души, а ведь человека и так не слишком много. Но люди, которые привыкли носить на себе целые кучи одежды, утверждают, будто это чистой воды суеверие. Они словно бы не замеча-

¹ Таковыми их считают те, на ком напялено больше одежды.

Сказкам совершенно безразлично,
кто их действующие лица.
Важно лишь то, чтобы сказку
рассказывали, чтобы сказка
повторялась. Или, если хотите,
можно представить это
следующим образом: сказки —
некая паразитическая форма
жизни, играющая судьбами
и калечащая людские жизни
исключительно в целях
собственной выгоды.

ют, что те, кто проводит жизнь, появляясь в тех или иных отражениях, на тех или иных картинках, как будто становятся немного тоньше. Нет, обычно это относится на счет обычного переутомления, а еще о таких людях говорят: их, мол, *выдержка* подвела.

Просто суеверие... Но суеверие не всегда ошибочно.

Зеркало и в самом деле способно отнять у вас частичку души. Зеркало может хранить отражение целой вселенной, целый звездный небосвод вмещается в кусочке маленького посеребренного стекла.

Если все знаешь о зеркалах, считай, что знаешь почти все.

Загляните в зеркало...

...Дальше...

...Еще дальше...

...И вы увидите оранжевый огонек на продуваемой всеми ветрами вершине горы, в тысячах миль от овощной теплоты того болота...

Местные называли ее Лысей горой. И называлась она так потому, что была совершенно лысой, а вовсе не потому, что ее склоны изобиловали лисами. Однако это частенько сбивало людей с толку — к вящей выгоде местных жителей, — и охотники, обвешанные арбалетами, капканами и сетями, толпами валили в соседние с горой деревушки. Местные следопыты охотно соглашались проводить их туда, где обитают лисы. Поскольку окрест все довольно неплохо кормились этим промыслом — то бишь торговали путеводителями, картами лисьих угодий, живописными настенными часами с лисами вместо кукушек, лисьими посохами и пирогами в форме лис, — ни у кого не было времени, чтобы сходить куда следует да поправить ошибку, вкравшуюся в название¹.

¹ Неправильное написание порой может привести к самым губительным последствиям. Так, например, некий жадный

Она была настолько лысой, насколько способна быть лысой гора.

Деревья заканчивались на полпути к вершине, лишь несколько сосен торчали наверху, производя тот же самый эффект, что и пара трогательных прядей, которые никак не желающий сдаваться лысеющий человек упрямо зализывает поперек своего скальпа.

И на этой горе обычно собирались ведьмы.

Сегодня вечером костер горел на самой верхушке. В мерцающем свете мелькали темные фигуры.

Кружево облаков периодически заслоняло луну.

Наконец высокая, в остроконечной шляпе фигура гневно спросила:

— Ты хочешь сказать, что все мы принесли картофельный салат?

В Овцепиках жила еще одна ведьма, но на сегодняшний шабаш она не явилась. Ведьмы ничем не отличаются от простых людей и тоже любят отдохнуть на природе, но у этой ведьмы была назначена весьма важная встреча. И такого рода встречу на другое время не перенесешь.

Десидерата Жалка Пуст составляла завещание.

Такое странное имя досталось ей от матери, которая утверждала, что это имя на каком-то умершем, а

сериф из Аль-Иби однажды был проклят за свою алчность одним малообразованным божеством, и на протяжении нескольких следующих дней все, к чему он прикасался, должно было превращаться в Золто... Именно так звали некоего маленького гнома из горной гномьей общины, расположенной в нескольких сотнях миль от Аль-Иби. В результате несчастный гном совершенно сверхъестественным образом был перенесен в чужое королевство, где одна за другой принялись появляться на свет его бесчисленные копии. Примерно спустя две тысячи копий Золта проклятие выветрилось, однако жители Аль-Иби по сей день известны своей низкорослостью и вздорным характером.

значит, ненужном языке означало нечто отсутствующее, но очень и очень желаемое. Впрочем, мать сама вскоре утомилась называть дочку таким сложным — и, честно признаться, подозрительным — словом, а потому придумала более простой вариант. И с тех пор девочку стали называть Жалкой Пуст.

Когда Жалка Пуст была еще совсем маленькой, бабушка дала ей четыре важных совета, которые должны были направлять ее девичьи шаги по непредсказуемо извилистой жизненной стезе.

Вот они, эти советы.

Никогда не доверяй собаке с оранжевыми бровями.

Всегда спрашивай у молодого человека его имя и адрес.

Никогда не становись между двумя зеркалами.

И всегда, всегда носи свежее нижнее белье, потому что невозможно заранее предсказать, когда тебя затопчет взбесившаяся лошадь, зато, если люди потом подберут твоё бездыханное тело и увидят, что на тебе несвежее исподнее, ты просто помрешь со стыда.

А потом Жалка выросла и стала ведьмой. Но ведьмы обладают одним небольшим преимуществом: они всегда точно знают, когда умрут, а следовательно, белье могут носить какое угодно¹.

Жалка Пуст стала ведьмой восемьдесят лет назад. Тогда знание отведенного тебе срока казалось чем-то весьма привлекательным, поскольку в душе ты считаешь, что впереди — вечность.

Но это тогда.

А то сейчас.

Сейчас «вечность» уже не казалась столь долгой, как некогда.

В очаге рассыпалось и превратилось в уголья еще одно полено. В этом году Жалка Пуст даже не стала заказывать дрова на зиму. А какой смысл?

¹ И это очень многое объясняет касательно ведьм.